
Характер и направление современной германской философии

П.Д. ЮРКЕВИЧ

В нашей литературе нередко слышатся жалобы на упадок философии в настоящее время и на господство в жизни и науке грубого, неосмысленного материализма, явление которого обыкновенно рассматривают как необходимое последствие этого упадка. С этой точки зрения г. Киреевский хотел сравнить нашу эпоху с эпохой Рима под властью императоров, когда древнее общество – эгоистическое и нравственно разложившееся, обнаруживало, по его мнению, стремления исключительно материальные. Однако же, что касается этой эпохи Римской империи, то справедливость требует сказать, что материализм господствовал тогда только в мире официальном и как бы на поверхности общества, и что рядом с ним, или несколько глубже, можно было замечать самое живое и раздражительное стремление ко всему истинному и доброму, и что может быть никогда еще человечество не было так заинтересовано высшими чаяниями и собственно-духовною жизнью, как в эту эпоху. Мы указываем только, что в эту, по-видимому материалистическую, эпоху господствовал стоицизм со своими глубоко нравственными принципами, новые пифагорейцы с мистическим и созерцательным направлением к миру идеальному, новые платоники, которые в своей смелой системе дали место всем моментам идеализма, какие только были развиты в философиях и религиях древнего мира, наконец гностицизм, который ничего не хотел знать о являющемся и временном, а погружался только в созерцание духовного и божественного – и все эти направления с идеализмом в теории, с неведомым древности принципом отречения и аскетизма в практике охватывали все части Римской империи от Александрии до отдаленных границ Галлии.

Может статься и в наше время существует такое же двойство в стремлениях человеческого духа. Во всяком разе, если справедливо, что в большинстве нашего общества преобладают воззрения и убеждения материалистические, то мы еще не видим, почему философия должна отвечать за эти воззрения и убеждения, если она не может быть признаваема единственным и исключительным источником идей данной эпохи. Сократ, Платон и Аристотель развивали идеалистическое мирозерцание среди общества, настроенного материалистически. Дело философии и общее настроение умов данной эпохи не совпадают всецело. Философия как наука имеет свое самостоятельное развитие, которое не дает ей сливаться с воззрением массы, почерпывающей свои идеи из тысячи источников частью бессознательно, в копирующей

форме потребностей, влечений и желаний, которые никто не оправдывает научным образом.

Этими общими соображениями, которые имели целью оценивать значительность литературных толков о современном состоянии философии, мы не хотим закрывать того бесспорного факта, что в настоящее время действительно существует материалистическая школа, которая считает своими представителями Фохта, Бюхнера и др. Это так называемая юная физиологическая школа¹; она пыталась найти *непосредственный* переход от явлений физиологических к психическим и таким образом изъяснить духовную жизнь человека из начал материальных, как простое следствие или видоизменение последних. Надобно пожалеть, что некоторые из наших журналов сообщают нам сведения об этой школе, именно об ее ученых успехах, о силе и законченности ее выводов, самые пристрастные и ложные. Укажем для примера на статью, помещенную в "Современнике" за прошлый год в пятой книжке, под заглавием "Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью". Сочинитель статьи, как видно большой охотник до материалистических воззрений, рассказывает нам об упомянутой школе так, как будто ее дело покончено, как будто в сознании науки положения материализма получили математическую достоверность. Странно слышать такие уверения от русского писателя, после того как самые же материалисты говорят нам, что их задача еще не решена, а только поставлена, что они уверены только в правильности своей методы, которая еще не привела к желанному результату. Мы знаем, что некоторые из упомянутых материалистов слишком учены и добросовестны, для того чтобы им понравилась статья их русского последователя, который навязывает им небывалые успехи. Сочинитель упомянутой статьи говорит, например, что превосходство мышления человеческого над мышлением животных зависит от большего количества жира и фосфора в головном мозге человека и ссылается в этом случае на исследования Бибра². Между тем известно, что Бибра нашел особенно великим мозговой жир глупой овцы и глупого гуся, известно также, что он исследовал мозговой жир людей душевнобольных и не мог открыть никакого отношения между этим жиром и душевной болезнью. Представляем теперь на суд публики, как это добросовестно и как нравственно со стороны русского писателя выдумывать во имя известного ученого небывалые факты, чтобы на их основании внушить читателям доверие к некоторым материалистическим положениям.

Независимо от этого случая, который может характеризовать ученое достоинство некоторых из наших материалистов, мы должны сознаться, что упомянутые физиологи сделали самые напряженные усилия, для того чтобы развить мирозерцание, в котором дух и мышление были бы вытеснены и заменены материей и движением. Мы не можем проследить ту интересную борьбу, которая поднялась было по этому случаю в Германии между защитниками материализма и идеализма, и должны ограничиться общим замечанием. Чем яснее и отчетливее были попытки материализма изъяснить духовную жизнь из состояний и движений вещества, тем явственнее обнаружилась слабость его начал, тем глубже была признана невозможность решить задачу знания без предположения духа, разума и идеи. Пока материализм не разрешил нам этого простого вопроса: каким образом состояние и движение вещества превращается в *знание* об этом состоянии и движении, до тех пор поле философии остается незанятым, до тех пор она будет основывать свои выводы на высших началах самосознания, как естествознание утверждается на подчиненном начале внешнего опыта. На этом поле и по этим началам философия и работает в настоящее время. Ее успехи недостаточно признаны в нашей литературе, если не потому, что многие недостаточно поняли ученую несостоятельность выводов материализма и предположили неосновательно его торжество в области философии, то вследствие сравнения настоящей философии с ее развитием в школах Гегеля и Шеллинга. Потому что при воззрении на стройные и законченные системы этих великих философов новейшая философия может показаться явлением слишком простым и незначительным, чтобы можно было признать в

ней новую эпоху человеческой мысли. Когда Декарт предъявил ученому миру свои простые и безыскусственные исследования о предмете философии, то какой-нибудь последователь Фомы Аквината, которого система так развита, так богата выспренными идеями и так целостна, мог жаловаться на упадок философии, которая заговорила о вещах самых простых и употребляла приемы самые бесхитростные. В таком же отношении стоит наша современная философия к прежним идеалистическим школам. Ее достоинство заключается именно в том, в чем на первый раз можно бы видеть ее недостаток, то есть в простой и строго научной методе, которая сближает ее с естествознанием и от которой главным образом зависит как ее высшее направление, так и предпочтительный выбор тех или других предметов философствования.

1. Философия идеализма в школах Шеллинга и Гегеля надеялась развить все содержание знания из чистого или *априорного* мышления. Если Шеллинг и допускал еще умственное созерцание как орган, содействующий мышлению в решении его задачи, то для Гегеля мышление не нуждалось ни в каких пособиях ни сверху, ни снизу: без всяких предположений, взятых из опыта, без этого умственного созерцания, которое и в самом деле не может быть оправдано психологически, мышление должно было раскрыть все содержание и все формы мира явлений просто из себя. Двигаясь внутренне, вдали от всякого воззрения, в логических приемах, которые отличаются всеобщностью и необходимостью, мышление надеялось воспроизвести или как бы повторить в себе все существенные движения мира явлений или все те приемы, коими творческая сила полагает различить виды и формы действительности. Отсюда делается понятным, почему у Гегеля логика есть непосредственно метафизика, наука о мышлении есть непосредственно наука о бытии, то есть о Боге и мире в его существенном отношении к Богу. Если с этим предположением мышления, которое независимо от опыта, разоблачает пред нашим взором все тайны бытия, соединяется то удобство, что система философии могла раскрываться непрерывно и без пробела и образоваться в такой правильный и целостный организм, какой мы думаем находить только в строении мира, то, с другой стороны, это же предположение было причиной самых резких недостатков в философии Гегеля. Это отрицание всех явлений опыта, которые не могли быть выведены или изъяснены строго логически, это решительная критика религиозных верований человечества, которые утверждают не столько на логических основаниях, сколько на целостном характере человеческого духа, — поколику он, кроме мышления, обладает нравственными и эстетическими стремлениями, поколику он способен не только понимать, но также чувствовать, желать и любить, бояться и надеяться, страдать и наслаждаться — все эти стороны духовной жизни человека и человечества оказывались пред судом безучастного мышления, как нечто феноменальное, несущественное, незначительное. Между тем психологический анализ убеждает нас, во-первых, что человек вовсе не обладает таким сильным мышлением, которое не нуждалось бы в откровении, идущем со стороны действительности, и, во-вторых, человеческое мирозерцание основывается не только на мышлении, которое устанавливается опытом и наблюдением, но так же моменты нравственные и эстетические, как и религиозные требования человеческого сердца, служат его составною и значительною частью. Эти два положения определяют метод и направление новейшей философии, в ее отличии от односторонне логического развития философии в школе Гегеля: и если первое из них вводит философию в область опыта, анализа и тщательного изучения явлений, то последнее не дает ей заключаться внутри частных, незаконченных исследований эмпирии и возвышает ее до положения и признания идеи, как начала, изъясняющего смысл и разумность явлений. Это ведет нас ко второму предположению, которое характеризует эту философию.

2. В то время как естествознание изъясняет явления из действующих причин, философия в школах Шеллинга и Гегеля пыталась изъяснять их единственно и исключительно из идеи. Как бы ни были основательны оба эти способа изъяснения, однако последний есть только продолжение и завершение первого, без которого он не может дать нам полноты знания. Если бы нам удалось познать смысл, достоинство и

значение какого-либо явления целой системы мира или частного организма, то это идеальное знание еще не изъясняло бы нам способа происхождения и образования этого явления под условиями и обстоятельствами готовой действительности. Так, например, иное дело знать, какое значение имеет память или воображение для целей духовной жизни, и иное дело изучить их образование и развитие из предшествующих условий или элементов душевной жизни. Последним вопросом вовсе не занималась философия идеализма. Тщетно мы искали бы в ней наставления, как происходит в человеческой душе представление, сознание, мышление и т.п. Она могла только указывать нам смысл и идеи этих явлений, если они существуют. Философия, говорит Гегель, есть наука о мире, поколику он закончен, поколику процесс его образования завершен, то есть она должна указать только *идею* готового явления, а не те условия, которые приготавливали или приготовили его явление. Но таким образом все ее содержание было *гипотетическое*, или философия представляла нам достоверные основы для *оценки* явления, а не для *бытия* его. Этот недостаток идеализма понят и восполнен строго научною методой новейшей философии. Философия, как естествознание, должна पहले всего изучить *механизм* явлений, как в природе, так и в области душевной жизни; метода естествознания, состоящая в приискании условий для данного условного, есть и метода философии. Только там, где философия достигает до такого *простого пункта*, который не может быть далее разлагаем и слагаем, не может быть выводим из предшествующих условий как их сложный результат, а, напротив, представляется нам как *подлинное бытие, истинно-сущее и реальное*; – только там философия будет иметь границу механизма, которая сама может быть изъясняема уже не из механических условий, а из идеи. Этою методой новейшая философия: 1) сблизилась с естествознанием и стала с ним в плодотворные для обеих сторон отношения; 2) расширила область своих исследований, потому что резкая граница, рассекавшая доселе царство механизма и царство идеи, уступила место постепенному переходу от первого к последнему; 3) сделалась наукою глубоко практической потому, что, кроме начал *абсолютных*, она изучает те феноменальные и условные формы действительности, которые одни могут быть видоизменяемы по воле и целям человека. Эта последняя черта, которая делает философию живым образом современной практической эпохи, по нашему мнению, очень многозначительна. Если, например, прежние философы изъясняли нам из безусловных определений идеи формы нравственной человеческой жизни или формы мышления, то этим хотя они давали чувствовать высокое достоинство таких форм, однако же не указывали никаких средств к усовершенствованию нравственности и мышления, поколику они выступают в значении феноменов; они говорили о такой сущности, о которой мы не знаем как, какими условиями она переходит в явление, или, наоборот, не знаем, каким образом наперед данное или готовое явление свести к этой сущности, направить и уравнивать его, по возможности, с идеей. Против этого одностороннего направления философии идеализма Герbart, Бенеке и Лотце развили теорию так называемого психического механизма, то есть указали, что душевные события вовсе не суть простые и неразложимые акты, которые были бы определяемы идеей *непосредственно, без условий*, что, напротив, самая, по-видимому, простая мысль, самое непосредственное желание или чувство имеет свою историю, свои предварительные условия, свой *сложный* способ происхождения; так что, зная эти передние условия, педагог может действовать на правильное развитие душевных сил питомца, может быть с такою же уверенностью, с какою садовник воспитывает растение и вызывает в нем цветы и плоды. Всякое душевное событие, поскольку оно есть акт свободной воли или *непосредственное* изливание натуры души, не поддается человеческим средствам образования и преобразования; но оно поддается им, насколько оно условлено *механически*; посему эта сторона душевных явлений должна быть особенно изучаема, если философия хочет действовать на общество так, как действует естествознание. Мы не говорим, чтобы новейшая философия решила эту задачу: мы только указываем

научное достоинство ее методы. Однако если Гербарт подчиняет душевные явления строгим математическим формулам и выкладкам, если Бенеке и Лотце сводят в окончательном анализе явления *физические* к *психическим* или начала психологии делают началами общего естествознания, то в этих приемах нельзя не видеть прямых успехов новейшей философии.

Справедливо, что идеализм не имеет в новейшей философии того исключительного значения, какое он имел прежде: однако же основное воззрение идеализма не отвергнуто, а только поставлено в правильное отношение к методу так называемого положительного знания. *Природа подлежит всеобщим и неизменным законам.* Это положение, которое привело естествознание к таким плодотворным результатам, – почему бы оно не простиралось на природу вообще, т.е. на явления как *материальные*, так и *душевные*. Новейшая философия с особенным напряжением изучает всеобщие и неизменяемые законы душевных явлений, которые доселе были изъясняемы непосредственно из идеи. Только после того как будут познаны эти всеобщие и неизменяемые законы природы и духа, философия имеет основание спрашивать, откуда этот необходимый *механизм* явлений, что он означает и для чего он устроен. Если мы, например, *необходимо и неизбежно* мыслим по закону достаточного основания, то что это за судьба, которая готовит нас в узы этой необходимости? Неужели наша голова есть машина, которая выделяет субъекты и предикаты для суждений, посылки для силлогизмов так точно, как человеческая машина выделяет разные ткани, не осведомляясь, для чего она это делает. Здесь и только здесь, то есть на конце исследований, является необходимость идеализма: идея и изъяснение явлений из идеи требуется философией, потому что иначе необходимость всеобщих законов природы и духа тяготела бы над нами как слепая судьба: философия хочет знать, насколько разумны те общие законы, которые познаны в их необходимости. Таким образом, идеализм является как окончательный ответ на вопросы духа, а не как всеобщая и первоначальная метода изъяснения явлений. Одни, как Гербарт и Бенеке, ожидают этого ответа от веры, другие, как Шопенгауэр и Лотце, – от знания.

Из предыдущего можно уже видеть, что психология должна была ожидать от указанной методы решительного преобразования. Все это развитие философии можно назвать психологическим, не только потому, что психология разработана в этот период до совершенства, какого она не имела доселе, но и потому, что она стала здесь основною наукою философии, философским естествознанием, на котором утверждаются в окончательном анализе все метафизические теории. Мы укажем здесь на отношение психологии к метафизике и обозначим кратко реформу, произведенную внутри самой психологии.

Метафизика возможна вообще только тогда, когда где-нибудь на свете будет предлежать нашему познанию такое бытие, которое в момент сознания не будет видоизменено формами познающего субъекта; в противном случае всякое бытие, всякая вещь, преломляясь в чуждой для нее среде познавательных форм, будет доходить до нашего сознания в качестве чувственного явления, которое по крайней мере наполовину будет условлено не познаваемой вещью, а познающим зрителем. Кант доказывал, что, так как мы принимаем воззрения внешнего опыта в субъективную форму пространства и воззрения внутреннего опыта в субъективную форму времени, то мы вообще знаем только явления, и метафизика как наука о бытии, каково оно само в себе, без примеси субъективных форм знания, невозможна. Шопенгауэр, Бенеке, Лотце с особенною силою отстаивают против этого скептицизма права внутреннего опыта: по их воззрению, здесь, во внутреннем самосозерцании, мы обнимаем подлинное бытие, вещь в себе, какова она есть без примеси субъективных форм знания. Наше познание о нас самих есть *непосредственно*, то есть здесь нет посредствующей среды, которая бы стояла между нами и предметом нашего знания и видоизменяла или закрывала подлинную натуру последнего. Время, говорит Бенеке против Канта, не есть форма внутреннего чувства, а форма тех душевных событий,

которые познаются во внутреннем чувстве. Явление, говорит Лотце, всегда предполагает того *другого* зрителя, для которого оно есть явление: но если сам человек не есть сам для себя *другой* зритель, то он не есть сам для себя явление, он знает свое *внутреннее* непосредственно, тогда как о внешнем бытии он знает потолику, поколику оно *является* в нем, как постороннем для этого бытия зрителе. Таким образом, если для Шопенгауэра мир есть *телеологический процесс*, если Бенеке хочет созерцать все внешнее как ряды *психических систем*, если Лотце возвышается к созерцанию такого бытия, которое не просто *существует*, но и *обладает* и наслаждается существованием, как *для себя* сущее, как душа, то эти метафизические начала взяты из непосредственного внутреннего самовоззрения, потому что они доводят до сознания бытие не поддельное, не феноменальное, а подлинное, бытие по его непосредственной натуре. Метафизика, которая доселе была *наукою* из начал *a priori*, стала конкретным знанием, которое должно опираться на фактах, как и всякая человеческая наука: потому что вещь в себе, бытие само-по-себе не *задано*, как думал Кант, а *дано* фактически в нашем внутреннем самовоззрении. Это психологическое обоснование метафизики есть, по нашему воззрению, решительный шаг вперед в области философии.

Что касается психологии, рассматриваемой в себе, то прежде она допускала такое множество *начал*, что они не давали места никакому развитию, или, как говорят, *процессы* были выгесняемы в ней *принципами*. Так логики говорили о законах мышления, о рассудке и формах суждений как о чем-то первоначальном и прирожденном, так психология допускала тут целую систему готовых способностей, природных идей, которые, как такие, не могли быть выводимы или изъясняемы. Кроме того, что тут при таком воззрении не оставалось никакого дела, разве только простой повести о случайных и несущественных изменениях внутри готовых, не знающих процесса и развития, форм душевной жизни, самая эта жизнь принимала дурной образ машины, которая наделена колками, винтами, перегородками и разными двигателями, и только поджидает, пока внешний мир подаст ей материю для работы. Человек становится тем, кем он *должен* быть, не от себя самого, не вследствие многотрудного подвига и развития, а просто по натуральным, сразу данным определениям. Герbart, Бенеке и Лотце, особенно два первые, отрицают эти *принципы*, чтобы положить на их место *процессы*. Шопенгауэр признает, что все это различие множества способностей в душе означает гармоническое отношение между познающим и познаваемым, а не что-либо свойственное душе самой по себе. Эти способности, воображение, рассудок, ум относятся к *частным* классам представлений так точно, как субъект *вообще* относится к объекту *вообще*. Как быть субъектом значит иметь объект, и быть объектом значит подлежать познанию субъекта, так с каждым как-нибудь *определенным* объектом непосредственно полагается субъект, познающий *каким-нибудь определенным образом*. Посему будет все равно, скажу ли я: предметы разделяются на такие и такие классы, или: субъект имеет такие-то и такие познавательные способности. Этим глубоко обозначается реалистическое направление новейшей философии. Душу нельзя отторгать из той среды, к которой она поставлена в необходимое соотношение, и потом рассматривать ее силы и способности отрешенно, как будто бы они имели смысл и значение независимо от этой среды и этого необходимого соотношения, как будто для всякого случайно наданного душе мира они оставались бы такими же, каковы они суть вследствие настоящих всеобщих и необходимых условий бытия. Поэтому если физиолог изъясняет видение глаза или его способность испускать слезы из таких передних условий, которые сами в себе не суть ни видение, ни слеза, хотя, без сомнения, способность глаза видеть и плакать есть прирожденная, а не изобретенная искусственно; то и психолог может таким же образом обращаться с так называемыми прирожденными способностями души, то есть он может изъяснять и построивать эти способности по всеобщим и необходимым законам из таких элементов, которые в себе не суть еще эти способности. Душа не есть только простое бытие, но вместе и бытие

организующееся. Если не подлежит сомнению, что она проста, то есть что в основании душевных явлений лежат не два или многие, то также достоверно, что *развитой* организм души – это множество чувствований, это группы и ряды представлений и желаний, это разнообразие наклонностей, способностей, стремлений, талантов, идей и т.д. – представляется самым сложным организмом на свете, хотя и непространственным. С этой точки зрения, которую мы обозначили здесь общим образом, психология получила в новейшей философии такое обширное развитие, какого она не имела ни в одну философскую эпоху. Педагоги и вообще люди, для которых по их жизненной задаче необходимо искусство владеть и управлять душами людей, высоко оценили психологические труды новейших философов: теперь уже не жалуются на непрактичность философских идей, а пользуются выводами философии так, как выводами точного естествознания.

В настоящее время особенным вниманием пользуются психологические и философские исследования Германа Лотце. Ученая Германия высоко оценила начала, идеи и анализы этого философа. Самые скептики, которые, как Юрген фон Мейер³, убеждены, в духе Канта, что философия никогда не может решить своей задачи, сознаются, что никогда еще философия не защищала так победоносно своего дела и дела всего человечества в борьбе с материализмом как философия Лотце. Дробиш⁴, который – нужно заметить – как последователь Гербарта, расходится с Лотце во многих существенных пунктах, пишет, однако же, об этом последнем: с убедительной тактикою и мудрою бережливостью вывел он мало-помалу стройные армии своих мыслей на поле битвы, и не только его противники, но даже и те, которые с участием следили за его походами и уже видели в нем своего союзника, часто вовсе не подозревали, какие огромные резервы находились еще у него под руками и как мало он думал, оказывая услугу этим союзникам, когда он в своей патологии победоносно поразил жизненную силу и выставил права механизма в ярком свете, юная физиологическая школа, так склонная к материализму, думала уже приветствовать в нем своего сообщника и надеялась, что он написал разрыв и разводную всякой теологии. Но кто читал его метафизику, замечал в сочинителе тонкое и всестороннее образование, философический дух, поэтическое чутье, нежное эстетическое и нравственное чувство, тот не мог удивляться, что уже в *общей патологии*⁵, а еще больше в *медицинской психологии*⁶ Лотце заключил механизм в границы материального мира и указал над ним высшую область, на которую не простирается владычество механизма и если наконец в *микрокосме*⁷ он высказал определенно, что механизм владычествует только в царстве средств, но что оно только предложит царству достоинств, которые могут быть определяемы только высочайшими целями. Эти выражения Дробиша, указывая на особенное ученое достоинство философской методы Лотце, характеризуют отчасти и его метафизические воззрения. Если прежде не только философы, но и естествоиспытатели говорили о жизненной силе, которая без средств и условий образует телесный организм и таким образом, по выражению Лотце, признавали для каждого члена мира иного Бога, кроме Бога единого, если некоторые отождествляли эту жизненную силу с душою, которая, рождая из себя идеи, чувствования и желания, созидавая искусство, науку и историю, должна еще при этом заниматься выработыванием и размещением соков в желудке, то Лотце, со свойственною ему силою анализа, разоблачил эту путаницу и доказал, что *все* телесное должно изъясняться из начал строго механических по общим и необходимым законам, так как и опыт представляет нам во всей строгости только явления механизма, с одной стороны, и деятельности души – с другой. Но если в душе мы находим такой пункт, который уже не может быть сложен по правилам механики из предшествующих двух или множества пунктов, то здесь в первый раз на поле опыта мы встречаемся с *истинным бытием*, то есть с таковым, которого сущность заключается не в факторах ему предшествующих, а непосредственно и сразу в нем самом. Таким образом законы и формы этого простого бытия будут определяемы не *механизмом*, который предполагает сложность бытия, а

его *достоинством* или *идеей*. Отсюда получаем метафизическое положение, что корень *сущего* лежит в его *достоинстве*, или бытие есть не первоначально и непосредственно, как думает односторонний реализм, но есть по силе своего *достоинства* или *идеального смысла*, – положение, которое приводит Лотце к определению абсолютного вместе как субстанции мира и как на себе сосредоточенной личности. Уже Шеллинг высказал смелую мысль, что монотеизм, т.е. убеждение в бытии одного личного Бога, дабы вступить в своей истине, должен принять в себя пантеизм, т.е. убеждение, что Бог есть единственное бытие, так что он не причастен бытию, которое при этом принадлежало бы еще чему-либо другому, но есть все бытие. Сообразно с этим Лотце говорит, что бытие не творится, что оно не происходит из таких элементов, которые не суть бытие, и, следовательно, Бога мы должны мыслить как субстанцию мира. Однако же Бог есть высочайшее существо, которого содержание, раскрытое в форме нашего человеческого знания, проявилось бы как сумма нравственных идей, а в связи с наслаждением его достоинством было бы сознаваемо как святость и блаженство, и которого форма, соответствующая этому содержанию, есть форма личности. Это последнее, столь дорогое для человечества, положение Лотце оправдывает из идеи бытия. Если бы абсолютное существовало бы только как субстанция, то ему не доставало бы признания и утверждения собственного бытия: или, как он любит выражаться, нужен был бы третий, в стороне стоящий зритель, который признавал бы эту субстанцию как субстанцию и наслаждался бы ее полнотою и совершенством: абсолютное бы бытие для другого, а не для себя; оно не наслаждалось бы сознанием и ощущением своего бытия и его полноты, а ожидало бы, пока кто-либо другой вкусит на нем блаженство существования. Посему бытие абсолютное, которое, однако же, не обладало бы актами признания и самоположения, сознания и разума, противоречило бы идее абсолютного бытия: оно обладало бы пассивным существованием для взоров другого, а не для себя; оно отсылало бы нас к другому высшему бытию, которое было бы вместе бытие и признание бытия, жизнь и свет. В сознании человечества эта идея высочайшего личного Бога постигается не категориями рассудка, но открывается в идеях нравственных и эстетических, в идеях святости и блаженства, так что учение Канта о непостижимости абсолютного признается в своей истине. Основа метафизики лежит не в физике, а в нравственной философии, потому что самое понятие достоинства, совершенства, идеи есть понятие ифическое⁸.

Эти метафизические положения Лотце, которые раскрыть здесь нет никакой возможности, дают, однако же, заметить, как далеко развилась метафизика после Шеллинга и Гегеля. Итак, новейшая философия работает не только в области практической, она не перестает трудиться и над изъяснением тех высших проблем, которые так неудержимо вторгаются в человеческий дух, и делает в этом изъяснении все большие и большие успехи. Те, которые жалуются на упадок философии в настоящее время, имеют, кажется, в виду философию *априорного* мышления, которое так легко и просто могло созидать целые системы, не заботясь о тех затруднениях, какие противопоставляет им насущная действительность. Но, без сомнения, пора этого аристократического мышления, которое хотело в себе открыть то, чему следует поучиться в опыте, прошла: настало время труда тщательного, иногда бесцветного, всегда тяжелого. Мы не имеем теперь таких систем, которые выступали бы пред нашим взором в величин готических храмов, но зато имеем в области философии самые тщательные анализы, исследования фактов, практические выводы, наконец принципы и идеи, так определенно и прочно обоснованные, что в этом отношении современная философия не уступит в достоинстве самым блестящим эпохам философии прошедшего.

1859

25 июня

Примечания

¹ Речь идет о вульгарном материализме, возникшем в Германии (Л. Бюхнер, Я. Молешотт, К. Фохт и др.) и распространявшемся в России в середине XIX в.

² Бибра Эрнест (1806–1879) – немецкий естествоиспытатель.

³ Мейер Юрген Бона фон (1829–?) – немецкий профессор философии.

⁴ Дробиш Мориц-Вильгельм (1802–1896) – немецкий философ.

⁵ Подразумевается работа Г. Лотце "Общая патология и терапия как механические естественные науки" (1842).

⁶ Речь идет о книге Г. Лотце "Медицинская психология или физиология души" (1852).

⁷ Имеется в виду трехтомный труд Г. Лотце "Микрокосмос. Мысли о естественной и бытовой истории человека. Опыт антропологии", начавший выходить в 1856 г.

⁸ Ифические понятия – понятия, принадлежащие компетенции этики (ифики).

Публикация и примечания М.Л. Ткачук